СКВОЗЬ СЕБЯ · КНИГА 1

ПО ТУ СТОРОНУ ЛЮБВИ

Станислав Оушен
По ту сторону любви

https://litres.ru/74759848
SelfPub; 2026

Аннотация

Она не искала любви. Но однажды появился Он.

С ним всё стало другим. Обычные улицы казались красивее, музыка звучала глубже, а случайное прикосновение могло заменить тысячу слов.

Они смеялись, ссорились, мирились и снова теряли друг друга. Она любила его так сильно, что постепенно перестала понимать, где заканчивается Он и начинается она сама.

Но что, если любовь — это не только чувство к другому человеку? Что, если всё, что мы ищем в ком-то, однажды придётся найти внутри себя?

«По ту сторону любви» — чувственная история о страсти, одиночестве, желаниях и той невидимой стороне любви, о которой редко говорят вслух.

Прочитай. Пропусти через себя. Поймёшь. А может, и нет

Содержание

Глава 1. Слишком близко 4
Глава 2. Ничего особенного 19
Глава 3. Вкус другого утра 33
Глава 4. Не о том 44
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Станислав Оушен
По ту сторону любви

Глава 1. Слишком близко

Она набрала «Приезжай» и стёрла. Телефон тут же предложил это слово снова, будто уже устал от её нерешительности.

— Да отстань ты, — сказала она экрану.

В комнате было тихо. Соседи за стеной включили воду, где-то щёлкнула батарея. На подоконнике стояла чашка с недопитым чаем. Чай успел покрыться тонкой плёнкой, и она почему-то не могла заставить себя его вылить.

Время на экране — 23:43.

Она убрала телефон под подушку, достала обратно, перевернула лицом вниз.

Ничего не происходило.

Это раздражало сильнее, чем если бы он позвонил и сказал что-нибудь неприятное. С неприятным можно спорить. Молчанию не возразишь.

Она поднялась, прошла к окну и увидела себя в тёмном стекле. Футболка растянулась на одном плече, волосы были стянуты резинкой, которую она сняла с запястья ещё утром. В отражении лицо казалось чужим. Не некрасивым — про-

сто уставшим от необходимости кому-то нравиться.

Она поправила волосы. Подумала и снова распустила.

Впервые он увидел её почти такой же.

Только тогда шёл дождь.

* * *

Она забежала в кафе, потому что зонт сломался на первом же перекрёстке.

Ветер вывернул его наизнанку. Она постояла посреди тротуара с нелепым чёрным цветком над головой, а потом рассмеялась. Люди обходили её. Из соседней машины кто-то нетерпеливо посигналил, хотя она никому не мешала.

В кафе было душно. Стёкла запотели, у кассы пахло корицей, а в глубине зала кто-то громко рассказывал о ремонте. Она сняла мокрое пальто и огляделась.

Свободным оказалось одно место у окна.

Она села, поставила сумку на соседний стул и только тогда заметила, что под ней что-то шуршит.

— Кажется, вы украли мою вещь.

Она обернулась. Перед столиком стоял мужчина с двумя бумажными стаканчиками. Один он держал за край крышки, другой — так, будто обжёг пальцы.

— Что именно?

Он указал на сиденье.

Она привстала. Под ней оказался тёмный шарф.

— Это ваше?

— Был мой. Теперь не уверен.

— А почему вы оставили его на стуле?

— Думал, никто не захочет садиться на мокрый шарф.

Она потрогала ткань. Шарф был совершенно сухой.

— Очень хитрый способ занять место.

— Не сработал.

— Значит, нужно было оставить табличку.

— «Осторожно, шарф»?

— «Занято человеком с плохим чувством юмора».

Он наконец улыбнулся. Не широко, не так, как улыбаются ради знакомства. Просто перестал скрывать, что ему смешно.

Она протянула шарф.

Он взял его, но не ушёл.

— Можно я сяду? — спросил он.

Она посмотрела на пустой стул, на свою сумку и снова на него. В нормальный день она сказала бы, что ждёт подругу. Или что собирается поработать. Ей даже не нужно было бы врать убедительно: большинство людей уходят, если смотреть на них достаточно занято.

Но сейчас она сдвинула сумку.

— Если обещаете не оставлять вещи на моём месте.

— На вашем?

— Я уже привыкла.

Он поставил стаканчики на стол и сел.

Она заметила его руки — большие, с коротко подстриженными ногтями. На одном пальце была маленькая царапина. Она сразу захотела спросить, откуда, и рассердилась на себя за это желание.

— Вы всегда разговариваете с незнакомыми женщинами про шарфы?

— Только когда они на них садятся.

— Понятно. Редкая специализация.

Она заметила, что мужчина всё время придерживает крышку одного стакана, будто тот грозит пролиться. «Крышка сломана?» — спросила она. Он покачал головой и осторожно убрал палец. Кофе тут же выступил по шву. «Ага. Теперь сломана», — признался он. Она подвинула ему салфетку с соседнего стола; впервые они обменялись полезными вещами, ещё не зная ни одной фамилии.

Он подвинул один стаканчик к себе. Второй остался возле его локтя.

— Вы кого-то ждёте? — спросила она.

— Нет.

— Тогда зачем два кофе?

Он посмотрел на стаканчики, будто впервые заметил их количество.

— Я взял один слишком горячий. Потом решил, что второй будет разумнее.

— И он тоже горячий?

— Да.

Она рассмеялась. На этот раз не из вежливости.

Свой кофе она так и не заказала. У кассы была очередь, и она решила сначала снять пальто. Теперь возвращаться туда совсем не хотелось.

— Если хотите, могу подержать один, пока остынет.

Он протянул ей стаканчик.

Крышка была тёплая. Она обхватила её ладонями и почувствовала, как постепенно отогреваются пальцы.

За окном дождь не собирался заканчиваться.

* * *

Позднее она будет вспоминать тот разговор гораздо чаще, чем следовало бы.

И пытаться определить минуту, с которой всё началось.

С шарфа?

С его улыбки?

С того, что он не стал расспрашивать её о работе, возрасте и планах, будто заполнял анкету?

Или с совсем глупого момента, когда она случайно размазала помаду по краю стаканчика, заметила пятно и быстро повернула его к себе?

Он заметил.

Конечно, заметил.

— Можно не прятать, — сказал он.

— Что?

— Вы сейчас повернули стаканчик.

Она посмотрела вниз.

— Не люблю, когда остаются следы.

— А я думал, вы любите.

— С чего вы взяли?

— Вы вон как уверенно заняли мой стул.

Она хотела найти ответ получше. Острый, такой, чтобы он запомнил. Вместо этого сказала:

— Я не уверенная. Я просто мокрая.

Он засмеялся.

От этого стало легче.

В обычной жизни ей часто казалось, что она обязана держать лицо. Не показывать растерянности, не просить дважды, не говорить первой, что скучает. Даже в плохие дни она могла собрать волосы, накрасить ресницы и выйти из дома так, будто всё идёт по плану.

А сейчас её пальто капало под столом, тушь, наверное, отпечаталась под глазами, и её шутки были одна глупее другой.

И почему-то она себе нравилась.

Эта мысль удивила её сильнее самого знакомства.

— Вы чего замолчали? — спросил он.

— Ничего.

— Серьёзно?

— Думаю.

— Это заметно.

— Очень смешно.

Он не стал угадывать её мысли. Посмотрел в окно и сказал:

— У меня был такой зонт.

— Какой?

— Который умер на перекрёстке.

Она уставилась на него.

— Вы видели?

— Нет. Просто у вас из сумки торчит его останок.

Она посмотрела вниз. Из расстёгнутого бокового кармана выглядывала сломанная спица.

— Прекрасно. Теперь вы знаете обо мне слишком много.

— Пока только то, что у вас плохой зонт и хорошие шутки.

— Хорошие?

— Через одну.

Она рассмеялась и на секунду закрыла лицо ладонью.

Ей не хотелось, чтобы он это видел.

А ещё — очень хотелось.

* * *

Она не знала, сколько они просидели у окна.

В какой-то момент коричный запах стал слабее. Женщина за соседним столиком ушла. В стекле отразились тёплые лампы, а город за ним превратился в несколько размытых полос.

Он рассказывал о месте, где однажды заблудился, хотя шёл по знакомой улице. Она перебивала, спорила, объясняла, что это невозможно. Он не пытался выиграть спор.

— Вы просто не умеете ходить по прямой, — сказала она.

— Возможно.

— Как можно заблудиться возле собственного дома?

— Думаешь об одном, а идёшь куда-то не туда.

Она поймала себя на том, что уже не помнит, собиралась ли сегодня куда-то ещё.

Телефон лежал в сумке. Она ни разу его не достала.

В какой-то момент он спросил:

— А вам нравится быть одной?

Она пожала плечами.

— Нормально.

— Это не ответ.

— А что вы хотите услышать?

— Ничего особенного.

Она посмотрела на свои ладони.

— Иногда нравится. Когда никто не трогает мои вещи, не спрашивает, где я, и не лезет под руку. Можно включить музыку и делать что угодно.

— А иногда?

— А иногда музыка играет, а слушать её некому.

Она пожалела об этих словах почти сразу.

В них было что-то слишком личное для разговора с человеком, у которого она только что отобрала шарф.

Он не ответил.

Она уже приготовилась пошутить, но он подвинул к ней салфетку: по крышке стаканчика стекала капля и оставляла тёмный круг на столе.

— Спасибо, — сказала она.

— Пожалуйста.

И разговор продолжился, будто ничего особенного не прозвучало.

Вот это она потом тоже будет вспоминать.

Не его советы. Не комплимент, которого он не сделал.

Ту салфетку.

* * *

Когда они вышли, дождь почти закончился.

На тротуаре лежали мокрые листья. Под фонарём блестела крышка мусорного бака. Её сломанный зонт торчал из урны у двери кафе, как памятник неудачному дню.

— Вам куда? — спросил он.

Она указала вдоль улицы.

— Туда. Пятый этаж, окна с облезшим базиликом. Вон видишь балкон? — Она показала вверх, куда-то между тёмными окнами. — Можешь считать это рекламой моего садоводческого таланта.

Он кивнул в противоположную сторону.

— А мне туда.

Можно было попрощаться.

Так обычно и заканчивались случайные встречи. Они обменивались улыбкой, расходились, а через два дня трудно было вспомнить даже цвет куртки другого человека.

Она стояла перед ним и вдруг поняла, что не хочет уходить.

Ей стало неловко от простоты этого желания.

— Дождь ещё может начаться, — сказала она.

Он посмотрел на небо.

— Может.

— У вас зонта нет.

— Уже заметил.

— У меня тоже. Но, кажется, я уже показала тебе, где живу.

Он чуть наклонил голову.

— Вы предлагаете стоять здесь, пока снова не начнётся?

— Нет. Просто констатирую.

— Тогда удачи в наблюдениях.

Он сделал шаг назад.

Она тоже шагнула — но не туда, куда показывала минуту назад.

Он заметил.

— Вы, кажется, перепутали направление.

— Я иногда хожу не по прямой.

Он снова улыбнулся.

Они пошли рядом.

На ближайшем перекрёстке она рассказывала ему о своей любви к ночному городу. Днём здесь всё спешило, толкалось, просило от неё чего-то. Вечером витрины загорались одна за другой, и даже некрасивые здания начинали казаться уютными.

— Здания не меняются, — заметил он.

— И что?

— Значит, меняется что-то другое.

— Например?

— Не знаю. Вы же тут специалист по наблюдениям.

Она толкнула его плечом.

Он покачнулся нарочито сильно, будто едва удержался на ногах.

И она вдруг ощутила знакомую улицу другой.

Будто кто-то выкрутил яркость. Свет вывески был розовым, хотя ещё вчера казался просто красным. В лужах отражались окна. От мокрого асфальта пахло холодом и железом.

Не произошло ничего волшебного.

Никто не остановил время. Дома остались на местах.

Просто ей захотелось всё запомнить.

* * *

У двери своего подъезда она долго искала ключи. Они обнаружились в том самом кармане, который она проверила первым.

— Ну конечно, — сказала она.

Он стоял на ступеньку ниже.

— Бывает.

— Со мной постоянно.

Она подняла глаза.

Он ничего не предлагал. Не делал вид, что ему совершенно всё равно. Просто ждал, что она решит.

Ей понравилось это ожидание.

И сразу захотелось сделать что-нибудь смелое.

— Знаете, — сказала она, — я сегодня очень устала.

Он кивнул.

— Заметно.

— Спасибо.

— Это был не комплимент.

— А я уже собиралась растрогаться.

Он улыбнулся.

Она могла бы попросить его остаться. Могла бы предложить встретиться завтра. Вместо этого прижала к груди сумку и спросила:

— Вы умеете готовить?

Он удивился.

— Смотря что.

— Завтра мне, возможно, будет нужен человек, который умеет варить кофе лучше меня.

— Это непростое условие.

— У меня дома получается отвратительно.

— Тогда почти любой подойдёт.

— Вы сейчас сами себя пригласили?

— По-моему, вы это начали.

Она отвернулась к двери, чтобы он не увидел, как широко она улыбается.

Уже возле двери она подняла голову к своему балкону: на нём торчал ящик с засохшим базиликом. «Вон мои джунгли», — сказала она, показывая на второй этаж. Он посмотрел наверх и улыбнулся. Она тогда не подумала, что сама только что выдала незнакомцу, где живёт.

Замок коротко щёлкнул.

Звук был резкий, сухой.

Она обернулась.

Он всё ещё стоял на ступеньке, спрятав руки в карманы.

— Завтра, — сказала она.

— Завтра.

Она зашла в подъезд.

Уже в лифте вспомнила, что так и не спросила, во сколько он придёт.

И тут же рассердилась: почему он сам не уточнил?

Потом вдруг засмеялась.

В отражении металлической двери стояла мокрая женщина с растрёпанными волосами. Она выглядела уставшей, чуть нелепой, совсем не такой, какой хотела бы выглядеть на первом свидании.

И она почему-то не стала отворачиваться от собственного

отражения.

* * *

В комнате снова щёлкнула батарея.

Она вздрогнула и обнаружила, что стоит возле окна, держась ладонью за подоконник.

Телефон лежал на кровати.

Время всё ещё показывало 23:43.

Она посмотрела на цифры, решила, что экран просто не успел обновиться, и нажала боковую кнопку. На секунду он погас. В тёмном стекле мелькнуло её лицо.

Она села на край кровати.

Она вспомнила, как толкнула его плечом на перекрёстке. Как сама шагнула не в свою сторону. Как смеялась в лифте, глядя на мокрые волосы.

Он был во всех этих воспоминаниях. Но ей вдруг захотелось снова увидеть не его, а ту женщину, которая шла по незнакомой улице и никуда не спешила.

От этого стало неловко. Будто вспомнить себя означало забыть его.

Она снова взяла телефон.

Пальцы нашли знакомые буквы.

«Приезжай».

Она прочитала слово, но не отправила.

Вместо этого открыла окно. С улицы потянуло сыростью.

Где-то внизу хлопнула дверь, проехала машина. Всё было обычным: знакомый двор, те же окна, чужая музыка за стеной.

И всё же ей показалось, что он стоит совсем близко.

Она даже чуть повернула голову — туда, где никого не было.

— Завтра, — сказала она.

Потом закрыла окно.

И не смогла вспомнить, договорились ли они тогда, в первый вечер, как именно найти друг друга.

Глава 2. Ничего особенного

На следующее утро она проснулась раньше будильника и минут пять лежала, прислушиваясь к подъезду.

Обычно сосед сверху начинал двигать мебель примерно в девять. Она подозревала, что мебели у него не меньше, чем в гостинице, и каждое утро он выбирает новую расстановку. Сегодня над головой было тихо.

Она посмотрела на телефон. Ни сообщений, ни пропущенных звонков.

«И откуда у него мой номер?» — подумала она, потом вспомнила, что номера у него нет.

Вчера они не обменялись номерами. И всё же она успела показать ему дом. Теперь это казалось очень смелым поступком.

Сначала ей стало смешно. Потом захотелось обвинить его в недогадливости. Она дошла до кухни, открыла шкаф и обнаружила одну ложку, три разные чашки и банку кофе, на которой красовалась оптимистичная надпись «Идеальное утро».

Кофе в банке закончился.

— Прекрасно, — сказала она.

К десяти квартира стала подозрительно чистой. Она вытерла стол, сложила книги с подоконника, убрала с дивана халат. Не тронула только старое кресло в спальне. На него

можно было бросать вещи сколько угодно, и оно всё равно не выглядело лучше.

В половине одиннадцатого она переоделась из домашней футболки в джинсы. Через минуту — обратно. Потом открыла окно, чтобы выветрить запах жареного хлеба.

В дверь позвонили в одиннадцать семь.

Она запомнила эти цифры так отчётливо, будто проверила время специально. Хотя, возможно, просто потом много раз о них думала.

За дверью стоял он. В одной руке — бумажный пакет, в другой — два стаканчика с крышками.

— У вас здесь неплохая охрана, — сказал он.

— Какая ещё охрана?

— Женщина на первом этаже. Хотела знать, к кому и зачем.

— И что вы сказали?

— Что меня ждут.

Она прислонилась к косяку.

— Очень самоуверенно.

— Пришлось рискнуть.

Сначала она хотела спросить, как он нашёл нужную квартиру. Потом вспомнила, как вчера показала ему свой балкон с засохшим базиликом. На этаже было две двери, и он мог просто позвонить в первую. Расспрашивать об этом показалось неловко.

— А если бы я не открыла?

— Выпил бы два кофе.

— Снова?

— Я человек последовательный.

Он протянул пакет. Внутри лежали две булочки с корицей и маленький круглый пирог, который успел помяться по дороге.

Она отступила в коридор.

— Заходите, раз уж вы всё равно нашли меня.

Он снял обувь у двери и поставил её аккуратно, носками к стене. Это было неожиданно приятно. Её бывший сосед по квартире всегда оставлял ботинки посреди прохода, и она годами спотыкалась об них, как будто обувь специально поджидала её на повороте.

— Я могла бы купить кофе сама, — сказала она.

— Но не купили.

— Откуда знаете?

Он кивнул на открытую пустую банку на столешнице.

— Догадался.

Она закрутила крышку и убрала банку в шкаф.

— Не смотрите по сторонам так внимательно.

— Хорошо.

Он повернулся к стене.

— Вы издеваетесь?

— Немного.

И опять она засмеялась прежде, чем успела решить, хочет ли.

* * *

За завтраком они говорили о вещах, которые редко вспоминаешь после первого свидания.

О соседских ремонтах. О детской привычке считать ступеньки. О том, почему люди покупают красивые свечи и никогда не зажигают их.

Она зажгла одну прямо при нём. Свеча пахла яблоком и дымом, хотя на коробке обещали «осенний сад».

— А вы чем занимаетесь? — спросил он.

Она указала на ноутбук, раскрытый на другом конце стола.

— Делаю людям красивые обещания.

— Это профессия?

— Почти. Афиши, объявления, реклама. Иногда обложки. Вот сейчас заставляю десять человек поверить, что открытие нового магазина — главное событие их жизни.

— А если это правда?

— Тогда я недостаточно дорого беру.

Он попросил показать макет. Она хотела отказаться: на экране было грязное рабочее поле с десятком неудачных вариантов, и ей не нравилось показывать незавершённое. Но всё-таки подвинула ноутбук.

На афише крупными буквами было написано «ТВОЙ НОВЫЙ МИР». Ниже — фотографии товара, скидки и мелкий

текст, который заказчик непременно требовал увеличить.

— Слишком много всего, — сказал он.

Она приподняла бровь.

— Отлично. Пришёл в гости и сразу полез учить дизайнера.

— Я не учу.

— Тогда что?

— Мне кажется, вы хотели сделать совсем другую вещь.

Она посмотрела на экран.

Так и было. Первый вариант был спокойным: чёрный фон, несколько светлых линий, одна фраза. Заказчик настоял на цветах, скидках, стрелках и маленькой нарисованной женщине с корзиной.

— Это работа, — отрезала она. — Не выставка.

Он отодвинул ноутбук.

— Извините.

Слишком быстро. Он не стал спорить, а она ожидала именно спора. Теперь ей пришлось самой выбирать, продолжать ли обижаться.

— Нет, вы правы. Макет ужасный.

— Я этого не говорил.

— А я сказала.

Она закрыла крышку. Не хотелось, чтобы он смотрел на её незаконченную работу, но гораздо сильнее не хотелось, чтобы он перестал смотреть на неё.

Из комнаты донёсся короткий щелчок. Возможно, отоп-

ление. Он обернулся на звук, и на секунду она увидела в его лице настороженность.

— Что?

— Ничего.

— У меня тут иногда стучит батарея. Соседи тоже. Это вообще очень музыкальный дом.

— Я заметил.

Он улыбнулся, но как-то не сразу.

* * *

Они пошли в магазин за молоком.

Это случилось без обсуждения. Она сказала, что молоко закончилось, он встал, взял куртку, и через пять минут они уже шли по улице, где солнечные пятна всё ещё лежали на мокрой после дождя плитке.

Она показывала ему нелепые вывески.

— «Мир дверей». Ты представляешь человека, который вошёл туда случайно и наконец нашёл смысл жизни?

— Может, он просто хотел дверь.

— Какая скучная версия.

Он останавливался возле витрин, читал объявления, иногда исчезал из поля зрения на пару шагов и снова догонял. Она уже обращалась к нему на «ты» и не могла вспомнить, когда именно это произошло.

У магазина продавщица разбирала ящик с мандаринами.

Запах был таким ярким, что она вдруг захотела Новый год. Не подарков, не салатов, а того странного вечера, когда все куда-то собираются, а ты ещё в домашней одежде и впереди будто есть время.

Она взяла два мандарина.

— Ты сейчас выбираешь самые красивые? — спросил он.

— Конечно. Они же должны соответствовать моим ожиданиям.

Он взял один с пятном на кожуре.

— А этот?

— Этот не прошёл отбор.

— Жалко.

— Ты его защищаешь?

— Кто-то должен.

В результате она купила все три.

У кассы он потянулся за кошельком, но она остановила его.

— У меня молоко и мандарины. Я справлюсь.

Он убрал руку.

И она почему-то была ему благодарна больше, чем если бы он настоял.

Дома она разрезала пирог, поставила тарелки и включила музыку на телефоне. Знакомый плейлист зазвучал так, словно его собрал другой человек. Песни не изменились — изменилось то, как она их слушала.

— Под эту я обычно убираюсь, — сказала она.

— Тебе хочется убираться?

— Нет.

— Тогда зачем включила?

Она не смогла ответить сразу.

Ей просто хотелось показать ему свой мир — даже те мелочи, которые самой казались несущественными.

* * *

После магазина они свернули не к её дому, а к маленькой лестнице между гаражами. Он утверждал, что оттуда видно старую водонапорную башню. Она прожила в этом районе столько лет, что не верила в существование ни лестницы, ни башни.

— Ты сейчас ведёшь меня в какой-то страшный тупик, — сказала она.

— Вполне возможно.

— Отличное начало знакомства.

Оказалось, лестница действительно была. Восемнадцать ступенек с разными по высоте краями, ржавая ограда, куст шиповника, давно не видевший садовника. За гаражами поднималась башня из светлого кирпича, почти скрытая ветвями. Она удивилась, что никогда не замечала её.

Он достал из внутреннего кармана сложенную вчетверо бумажную карту. Не телефон — настоящую бумагу, исписанную карандашом.

— Ты ходишь с картой собственного города?

— Иногда.

— Ты знаешь про навигатор?

— Слышал.

Она вырвала карту у него из рук. На ней не было обычных названий улиц. Вместо них — кружочки, короткие заметки, цифры. «Ступени — 18», «проход перекрыт», «здесь пахнет хлебом после шести».

— Это что?

— Маршруты. Мне нравится ходить и искать проходы, которыми почти никто не пользуется.

Она развернула лист. Линии были кривыми, одна стрелка перечёркнута.

— Зачем?

Он не сразу ответил.

— Когда был маленьким, мы часто переезжали. Мне всё время казалось, что я не успеваю узнать место, а уже нужно уезжать. Я рисовал дороги, чтобы хоть что-то оставалось моим.

Она подняла на него глаза.

Он смутился собственной откровенности и протянул руку за картой.

— Звучит глупо.

— Нет, — сказала она и не отдала лист сразу. — Покажи ещё.

Они пошли по узкому тротуару за гаражами. Он показы-

вал места, о которых она не знала, хотя каждый день проходила в двух кварталах: лестницу без перил, двор с шахматным столом, кирпичный проход между домами, который жители почему-то называли «воротами». Однажды он повёл не туда, и они упёрлись в забор.

— Опытный проводник, — сказала она.

— Раньше здесь был проход.

— У тебя на карте написано «проход перекрыт».

Он заглянул в собственные записи и засмеялся.

— Сам себе не верю.

Она была рада обнаружить, что его уверенность имеет пределы. Он не всегда знал дорогу, иногда забывал свои же пометки и раздражался, когда не получалось быстро сложить карту обратно.

На перекрёстке он попросил её подержать лист, пока завязывает шнурок. Она повернулась к башне, чтобы сравнить её с рисунком, и обнаружила, что нарисовал он башню ужасно — вытянутую, как свечку, с двумя окнами вместо четырёх.

— С этим тебе ко мне, — сказала она.

— Дорого возьмёшь?

— Для начала научу смотреть.

Он выпрямился.

— Договорились. А ты научишься иногда просто идти не самой короткой дорогой?

Она посмотрела на извилистую линию между улицами.

— Зависит от проводника.

Вечером она попробовала нарисовать башню по памяти. Выяснилось, что её собственный рисунок ничуть не лучше. Она скомкала лист, потом разгладила. Стыдно было не за рисунок, а за то, что ей хотелось немедленно показать ему даже эту неудачу.

К вечеру ей надо было закончить афишу.

Она открыла ноутбук. Он устроился на полу возле дивана, прислонившись спиной к его краю, и листал какую-то тонкую книгу, которую нашёл на полке.

Обычно её раздражало, когда кто-то находился рядом во время работы. Чужое дыхание, случайный звук, вопрос «как дела?» могли оборвать мысль. Но он молчал, и его молчание не требовало от неё ничего.

Через двадцать минут она повернула экран.

— Ну?

Он посмотрел.

— Лучше.

— Ты даже не видел второй вариант.

— Тогда это комплимент на будущее.

Она закатила глаза, но сохранила файл.

Внизу экрана всплыло уведомление от подруги: «Жива? Ты обещала сегодня позвонить».

Она машинально свернула сообщение.

— Всё нормально? — спросил он.

— Да. Забыла про звонок.

— Так позвони.

— Потом.

Он вернулся к книге.

Она хотела, чтобы он сказал: «Не звони. Побудь со мной». Тогда у неё было бы оправдание. Но он не сказал.

Вместо этого он встал и пошёл на кухню мыть тарелки.

Она смотрела ему вслед и злилась на себя за совершенно нелепую обиду.

Что именно он должен был сделать? Потребовать, чтобы она выбрала его? Сказать, что мир остановился на пороге её квартиры?

Ведь утром ей нравилось, что он ничего не требовал.

Почему к вечеру это начало казаться недостатком?

Она всё-таки набрала подругу. Разговор занял четыре минуты. Та жаловалась на начальника, внезапно изменившего расписание, спросила, сможет ли она зайти на выходных, и пообещала принести торт. Она почти не слушала, потому что из кухни доносилась вода, и ей хотелось знать, какую чашку он выберет, чтобы поставить на сушилку.

— Ты сегодня странная, — сказала подруга.

— Устала.

— Ты всегда устаёшь. Странная — это другое.

Она не стала спрашивать, что именно подруга имела в виду.

После звонка на кухне уже было чисто. Он стоял у раковины и сушил руки полотенцем.

— Она на тебя обиделась? — спросил он.

— Нет. С чего ты взял?

— Ты слушала её через раз.

— Ты откуда знаешь?

— У тебя было лицо человека, который занят другими мыслями.

— Значит, ты всё-таки смотрел.

Он положил полотенце на край раковины.

— Не всегда.

Сказал спокойно, без намёка.

И именно от этой спокойной фразы у неё вдруг похолодело внутри.

Она хотела ответить шуткой, но не успела.

— Я не хочу, чтобы ты переставал, — сказала она тише, чем собиралась.

Он подошёл ближе.

— Что именно?

— Смотреть.

Она сама удивилась, насколько просто это прозвучало.

Он коснулся её руки. Она ждала поцелуя, но он только сжал её пальцы и отпустил.

— Я же здесь, — сказал он.

Ей показалось, что этого вполне достаточно.

На несколько минут.

* * *

Когда он ушёл, квартира выглядела почти так же, как утром.

На столе лежали корки от мандарина. На подоконнике догорела свеча. Афиша была отправлена заказчику, который пока ничего не ответил.

Она прошла по комнатам и выключила лишний свет.

В зеркале над комодом отражалась женщина в простой футболке. Глаза блестели, щеки разгорелись, волосы снова выбились из резинки.

Неужели для этого нужно было только одно присутствие?

Она остановилась.

Поправила ворот.

Потом сняла резинку, встряхнула волосы и улыбнулась себе — осторожно, словно проверяя, разрешено ли.

Телефон завибрировал.

Заказчик прислал список из восемнадцати правок. Первой было требование «сделать ярче».

Она рассмеялась в пустой комнате.

— Куда уж ярче.

И только после этого заметила, что не знает, как он добрался домой.

Она понятия не имела, где его дом.

Эта мысль не испортила вечер.

Просто осталась где-то на краю — как маленькая заноза, которую пока не хочется доставать.

Глава 3. Вкус другого утра

Он не любил, когда на завтрак ели стоя.

Она узнала это через неделю — или через несколько дней. Воспоминание не держалось за даты, зато отлично сохранило положение его ладони: он накрыл ею тарелку с хлебом и не дал унести её от стола.

— Сядь.

— Я опаздываю.

— Ты опаздываешь уже десять минут. Три из них можно потратить на еду.

— Ты всегда такой заботливый или только с голодными?

— С голодными я просто боюсь спорить.

Она села. Был понедельник, и ей нужно было к двенадцати показать заказчику исправленную афишу. Накануне он прислал девятнадцатую правку: «Давайте добавим ощущение праздника». Она убрала с макета половину товара и поставила вместо него одну огромную надпись. Получилось неплохо. Теперь предстояло убедить в этом человека, которому нравились золотые звёздочки.

Он пододвинул ей тост, намазанный маслом неровно, с одним толстым кусочком на краю.

— Преступление против эстетики, — заметила она.

— Зато вкусное.

Она откусила именно с того края.

У него действительно плохо получалось намазывать масло. Зато он помнил, что она не любит горячий чай, и никогда не требовал допить чашку до конца. Он мог забыть, куда положил телефон, но замечал, когда она начинала тереть ладони одна о другую от волнения. Не давал советов, не говорил «не нервничай», просто протягивал ей полотенце или открывал окно.

Она ловила себя на том, что запоминает эти детали и рассказывает о них самой себе.

В автобусе. В магазине. Перед сном.

Как будто составляла доказательства того, что ей повезло.

* * *

В тот день заказчик всё-таки согласовал афишу.

Она вышла из офиса рекламного агентства, остановилась на крыльце и позвонила подруге.

— Всё. Я свободна.

— На сколько?

— Пока следующий не решит, что логотип должен быть больше.

— Тогда успеешь ко мне. Есть пирожное.

Подруга работала в цветочном магазине на соседней улице. Она не была флористом по образованию, но умела собирать букеты так, будто у цветов существовало тайное соглашение выглядеть красиво рядом друг с другом. В магазине

всегда пахло влажной зеленью и картоном. Возле кассы стоял небольшой стол с чашками, которые никогда не совпадали.

— Ты вся светишься, — сказала подруга, едва увидев её.

— У меня сдали макет.

— Не настолько ты любишь макеты.

— А насколько?

— Обычно после сдачи ты выглядишь как человек, который пережил пожар и собирается ругаться со страховкой.

Она бросила сумку на стул.

— Я просто хорошо выспалась.

— Невероятно. Значит, наконец прекратила листать телефон до трёх ночи?

— Возможно.

Подруга поставила перед ней тарелку и не стала допытываться. У неё самой был тяжёлый день: поставщик привёз вместо белых хризантем зеленоватые, а клиентка требовала букет «как на фотографии, только другой».

Они обсуждали цветы, цены, дурацкие объявления на остановках. Она рассказала, как один мужчина в кафе чуть не пролил кофе себе на куртку. Подруга засмеялась и спросила:

— И что потом?

— Ничего. Мы разговаривали.

— Ясно.

— Что тебе ясно?

— Ты уже третий раз начинаешь с этого кафе.

Она смутилась.

— Ну и что?

— Ничего. Просто приятно видеть, что тебе есть о чём рассказывать, кроме работы.

Подруга не спросила его имя. Ей не пришло в голову сообщать его самой.

Может быть, потому, что всё важное в тот момент происходило не с ним, а с ней.

* * *

Вечером она предложила ему пойти в кино.

Он выбрал фильм, который ей не нравился ещё по описанию: длинный, с медленными разговорами, где все будто специально старались не говорить главного.

— Ты серьёзно? — спросила она у афиши.

— А что не так?

— На постере человек стоит спиной к стене. Два часа. Вот и весь сюжет.

— Ты не смотрела.

— Мне хватает постера.

Они купили билеты на другой фильм. Громкий, смешной, с совершенно неправдоподобным финалом. Она хохотала над сценой, где герой пытался одновременно скрыться от двух бывших невест. Он смеялся редко. Когда она пово-

рачивалась, его лицо было внимательным, почти грустным.

— Тебе скучно?

— Нет.

— Ты даже не смеёшься.

— Я смотрю.

— Что?

— Фильм.

Она фыркнула.

Тогда он взял её руку и положил себе на колено, как будто этим можно было закончить спор.

Он не заставлял себя смеяться ради неё. Это было и неприятно, и хорошо одновременно. Она с детства умела заражать людей своим настроением, а здесь вдруг обнаружила человека, который иногда оставался в своём собственном.

После сеанса они спорили о финале до остановки. Она доказывала, что всё закончилось правильно, он говорил, что герой получил награду, которой не заслужил.

— Ты что, никогда не хочешь счастливого конца?

— Хочу. Но не потому, что так написано в последней сцене.

Она покосилась на него.

— Ты ужасно неудобный.

— Мне говорили.

— Кто?

Он пожал плечами.

— Разные люди.

Она хотела уточнить. Спросить о прошлых отношениях, о женщинах, которые наверняка замечали эту привычку спорить. Но автобус подошёл раньше, и они вошли вместе.

Позднее она почему-то не могла вспомнить ни одной из этих женщин. Ни имён, ни историй. Впрочем, она и не спрашивала.

* * *

Первый поцелуй она потом вспоминала иначе, чем всё остальное.

Он случился не на крыше, не под дождём, не после красивой речи.

Они стояли возле её подъезда, и у неё разболелась нога. Она натёрла пятку новыми ботинками, которые купила со скидкой и уже ненавидела.

— Сними, — сказал он.

— Что?

— Ботинок. Дальше дойдёшь в носке.

— По мокрому тротуару?

— Можно по сухой полосе.

— Тебе легко говорить. Ты в нормальной обуви.

— Я могу поменяться.

Она представила его ногу в своём ботинке и расхохоталась.

Он присел, осторожно взялся за шнурок. Она коснулась

его плеча, чтобы не потерять равновесие.

— Не надо, сама.

Он поднял голову.

Она увидела его лицо совсем близко. Замерла, забыв, что собиралась сказать.

Ей хотелось, чтобы он первым понял.

Потом она разозлилась на это желание.

Наклонилась и поцеловала его сама.

Поцелуй получился неловким. Он не ожидал, чуть потерял равновесие, едва не задел её локтем. Она отстранилась, чтобы не засмеяться ему в лицо.

— Прости, — сказал он.

— За что?

— Я, кажется, испортил тебе торжественный момент.

— Да. Всё придётся повторить.

Он встал, обнял её, и второй раз получилось иначе.

Не лучше и не хуже.

Просто дольше.

Позже она будет помнить не столько его губы, сколько то, что перестала думать, как выглядит со стороны.

Никто на них не смотрел. Уличный фонарь мигал. Возле мусорных баков скрипело колесо тележки. Её пятка болела, и он стоял неловко, чтобы она могла перенести вес на другую ногу.

Она была счастлива в этой неудобной позе.

И ей не хотелось её менять.

* * *

На следующий день подруга принесла ей мазь для мозолей. Накануне она отправила подруге голосовое сообщение о натёртой пятке и целый вечер жаловалась на неудобные ботинки.

— В аптеке была скидка, — объяснила она.

— Ты невероятно романтичный человек.

— Кто-то должен заниматься практическими вещами. Ты опять всю ночь не спала?

Она открыла дверь шире.

— Заходи, я чай поставлю.

Подруга обошла кухню, заглянула в коробку с новой посудой, повертела в руках мандарин.

— Откуда столько кружек?

Она посмотрела в шкаф. Там стояли уже не три, а четыре чашки.

Одна была синяя, с толстой ручкой.

— Не знаю, — ответила она. — Купила, наверное.

— Наверное?

— Ты пришла считать мою посуду?

— Нет. Я пришла забрать свою форму для пирога, которую ты держишь уже месяц.

Они нашли форму в нижнем ящике. Подруга ушла, отказавшись от чая: её ждали в магазине.

Она осталась на кухне и долго смотрела на синюю чашку.

Вроде бы он пил из неё вчера.

Или позавчера.

Она ясно помнила, как его пальцы охватывали ручку. Но совсем не помнила, как чашка появилась дома.

Потом хлопнула дверца шкафа, и странная мысль ушла. Вещи ведь появляются в доме постоянно. Особенно когда в нём наконец-то есть кому пить из них.

* * *

Вечером он застал её за работой.

Она сидела на полу среди распечаток, вырезанных картинок и образцов бумаги. Заказчик просил «больше воздуха», а потом требовал занять пустое место контактами, картой и ещё одним лозунгом.

— Мне кажется, он меня ненавидит, — сказала она, не поднимая головы.

— Кто?

— Заказчик.

— Ты не можешь заставить всех любить то, что делаешь.

Она подняла глаза.

— Знаешь, что? Сейчас вообще не время для мудрости.

Он кивнул.

— Хорошо.

Прошёл на кухню, налил ей воды и поставил стакан рядом.

Она не поблагодарила.

Через несколько минут он снова вошёл.

— Тебе нужен совет или чтобы я посидел молча?

Она посмотрела на него и почувствовала одновременно нежность и злость.

Почему он не понимает сам?

Но вслух сказала:

— Посиди.

Он сел рядом на полу.

Она положила голову ему на плечо. Перед ними лежала незаконченная афиша. На экране ноутбука мигал курсор. Из открытого окна тянуло холодом.

Он не стал спрашивать, сколько времени ещё потребуется.

Она сама сказала:

— Ещё полчаса.

— Хорошо.

— Ты можешь идти, если хочешь.

— Я знаю.

Ей хотелось, чтобы он добавил: «Но не хочу».

Он ничего не добавил.

Она повернулась к экрану и начала работать.

Спустя некоторое время заметила, что рядом стало тихо. Не обидно, не тревожно. Просто тихо. Она уже почти привыкла к этому.

Она вдруг заметила, что уже час не поправляет волосы и не проверяет отражение в окне. Он не сделал ничего особен-

ного. Просто сидел рядом, не требуя красивой версии её самой.

Она отложила стилус, посмотрела на его ладонь возле своей и молча взяла её.

Он сжал пальцы в ответ.

Она больше ничего не думала.

Глава 4. Не о том

Проблема началась с коробки.

Она пришла домой с тяжёлой упаковкой напечатанных афиш. В типографии перепутали размер, и вместо аккуратных листов для витрины ей выдали огромные плакаты. Край коробки больно впивался в ладонь, под мышкой звонил телефон, а ключи, как обычно, скрывались где-то в сумке.

Он открыл дверь прежде, чем она успела нажать звонок.

— Давай помогу.

— Не надо. Я сама.

— Ты сейчас уронишь.

— Не уроню.

Коробка выскользнула из пальцев, ударилась углом о пол и раскрылась. Несколько плакатов вывалились на лестничную площадку. На одном растянулась крупная надпись: «МЫ ЖДАЛИ ВАС».

Он присел собирать листы.

— Не говори ничего, — предупредила она.

— Я и не собирался.

— Но ты подумал.

Он взглянул на неё снизу вверх.

— Что подумал?

— Что я не умею просить помощи.

Он поднял пачку.

— Сейчас думаю, как это донести до кухни.

Она посторонилась.

За его спиной стояла открытая квартира. На вешалке висела его куртка, возле шкафа — знакомые ботинки, у порога — бумажный пакет из магазина. Все вещи оказались на своих местах так естественно, что она перестала удивляться, когда именно у них стало получаться «у нас».

* * *

Через час она всё ещё переставляла плакаты на столе.

Нужно было проверить партию до завтрашней презентации. Печатник уверял, что виноват файл. Она знала, что файл в порядке, но доказать это без нужного масштаба на экране было невозможно.

Он сделал ужин — макароны с сыром, потому что почти ничего другого в холодильнике не осталось.

— Иди поешь.

— Через пять минут.

Прошло двадцать.

Он убрал с плиты кастрюлю и накрыл крышкой.

— Остынет.

— Я слышала.

— Тогда приходи.

Она со злостью закрыла ноутбук.

— Можно я сама решу, когда мне есть?

Он отступил от стола.

— Можно.

— Ты разговариваешь так, будто я ребёнок.

— Я просто позвал тебя на ужин.

— Третий раз.

— Да. Потому что готовил на двоих.

Она хотела сказать, что никто его не просил. Уже почти произнесла это. Вовремя остановилась.

Он стоял возле раковины, вытянув руки вдоль тела.

— Что? — спросила она.

— Ничего.

— Опять ничего. Ты умеешь вообще говорить прямо?

Он отодвинул стул.

— Я хотел поесть вместе. Это всё.

Она взяла вилку, накрутила остывшие макароны и поняла, что совершенно не голодна.

— Извини, — сказала она.

— Я не обиделся.

Её раздражение почему-то вернулось.

— Мог бы.

Он посмотрел на неё.

— Зачем?

Она не знала.

Ей хотелось, чтобы он тоже вспылил. Тогда у них было бы настоящее столкновение, после которого можно мириться и чувствовать, что всё по-прежнему сильно. А он оставил её

одну с собственной злостью.

Ужина они доели молча.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.